
А. М. БУРОВСКИЙ

**ПРЕЛЕСТИ ПАЛЕОЛИТА
И НАУЧНАЯ ЭТИКА
(Об одной публикации
в «Этнографическом обозрении»)**

Первобытная культура, вопреки этнографам ретроградного толка, не содержит ограничений на совершение антиэкологических действий, перепромысла, истребления целых промысловых видов. Человек на доаграрной стадии развития разрушал природную среду, создавая антропогенные катастрофы разного масштаба. Тезис же об «экологическом гомеостазе» первобытности – безнадежно устаревшее и опасное заблуждение. Оно настолько противоречит реальным фактам, что ретроградно настроенные авторы вынуждены подменять аргументы нескрываемой агрессией в адрес оппонентов.

Ключевые слова: *первобытность, экология, перепромысел, антиэкологические действия, палеолит, культура, техно-гуманитарный баланс.*

Трудно поверить, что эта статья (Артёмова 2008) была опубликована в почтенном академическом журнале. Но поскольку среди прочих лиц в ней идет речь и обо мне, приходится отвечать, хотя сделать это непросто. Достаточно сказать, что, посвятив мне полторы страницы текста, О. Ю. Артёмова в 11 местах сообщила, как говорят юристы, «заведомо ложные сведения». Тут и попытки приписать мне авторство эзотерических творений, и творчество в неведомом мне «ненаучно-фантастическом» жанре, и обвинения в агрессии, направленной против В. Г. Чайлда, и приписывание моим монографиям статуса учебников, и ложь по поводу моих «неграмотных» фраз...

Но дело не в личных выпадах, хотя читать таковые в академическом журнале довольно странно. Главное – меня поразило, с какой агрессивностью автор защищает устаревшую и мертворожденную идею. Постмодернистское противопоставление «загнивающей» цивилизации и положительного «дикаря» еще можно было понять в середине XX века, после эпохи страшных мировых войн. Тогда, по крайней мере, можно было сочувственно отнестись к

эмоциональной реакции некоторых антропологов на обвал европейской цивилизации в пучину забвения собственных гуманистических идей. Но принять всерьез эту концепцию невозможно – она попросту противоречит фактам.

Невероятно идеализируя первобытность, Артёмова договори-лась до того, что основные события истории уже произошли в эту эпоху, и «не случайно эпоха, когда были сделаны эти главные дос-тижения человечества, в 500 раз превосходит все его дальнейшее развитие. Длительность здесь пропорциональна содержанию и зна-чению» (Артёмова 2008: 139). На это приходится отвечать, потому что автор отстаивает устаревшие и, на мой взгляд, чрезвычайно опасные представления об истории.

Странности авторской интонации

Начну с того, что удивляет странная интонация автора. Полное впечатление, что Ольга Юрьевна чем-то очень раздражена. Может быть, тем, что коллеги не согласны с ее представлениями о перво-бытности. Или тем, что мы все (рассуждающие о первобытности), по ее мнению, лишь дилетанты, недостойные судить о «первичной формации».

Во всяком случае, звучат ее высказывания гневно и раздражен-но. Это тем более странно, что оппонентам как раз вменяется в ви-ну недостаточный «академизм».

Странности редактирования

Допустим, у Ольги Юрьевны «так написалось». Причины, в конце концов, могут быть личными: от семейных проблем до гвоз-дика в туфле. Но странно – почему редакция журнала не попросила автора откорректировать текст: проверить приводимые данные, сделать его более академичным по стилю?

Редакция не могла не видеть, что автор выдвигает серьезные обвинения. Почему ни одно из них не было проверено? Если бы редакция взяла на себя труд выяснить, писал ли я эзотерику и на-писал ли что-то кроме ряда популярных книг, она легко убедилась бы, что Артёмова пишет неправду. И могла бы убедить автора не допускать такого обращения с фактами. Теперь получается, что редакция разделяет с автором ответственность за неоправданные обвинения, не подтверждаемые ничем заявления, грубые искаже-ния действительности, хамоватый тон.

Это заставляет поставить вопрос о позиции академического журнала. Все-таки он должен отличаться от гламурного глянцевого таблоида, посвященного похождениям кинозвезд. Действительно, чего добивалась редакция, публикуя статью, сомнительную в научном отношении, содержащую множество неверных утверждений, да попросту склочную и вздорную? Задеть нескольких крупных ученых? Не смею сказать «сделать врагами» – никто из-за такого глупого «наезда» не станет личным врагом ни Артёмовой, ни журнала «ЭО», ни Института этнологии РАН. Но впечатление такое, что цель – именно начать склоку. Потому что ни цели информировать коллег, ни цели обсудить важную тему статья очевидно не достигает.

Странности аргументации

Автора очень раздражает, что я имею ученые степени в разных областях науки. Да, и на моей визитной карточке, и во всех официальных документах я характеризую себя как «кандидата исторических наук, доктора философских наук».

Основания? Аспирантура в Ленинградском отделении АН СССР, защищенная в 1987 году кандидатская диссертация на тему: «Культурно-исторические этапы развития палеолита Енисея». В общей сложности 56 публикаций на темы археологии, в том числе 6 – в журнале «Российская археология». Участие в 19 археологических экспедициях, в том числе в 12 – в роли начальника.

Последняя по времени «археологическая» публикация у меня датируется осенью 2009 года (Буровский 2009). В сентябре 2010 года мне предстоит выступать на международной конференции Международного мамонтового комитета «Мир мамонтов» во Франции, в Дордони, с докладом «Животноводческая цивилизация плейстоцена».

В 1996 году защитил докторскую диссертацию по социальной философии на тему: «Возникновение и проблематика антропоэкологии». Моя теория антропогеосферы – «ландшафтной оболочки Земли с человеком» – базируется и на данных археологии. До тех пор, пока ВАК не лишил меня этих ученых степеней, я не только имею право, я просто обязан характеризовать себя именно таким образом: «кандидат исторических, доктор философских наук».

Из всего, что напечатано в научных изданиях, Артёмова упоминает только статью «Идиллический палеолит?» и монографию «Антропоэкология». Кстати, последняя, хотя и вышла вторым изданием в издательстве «Высшая школа», а третьим – в трудах уни-

верситета, никогда не была учебником; в этом и во многих других случаях Ольга Юрьевна просто пишет неправду с присущей ей безапелляционностью.

А вообще-то я автор 154 научных и учебно-методических работ, в том числе 5 монографий.

Но мои научные публикации Артёмова не удостоила вниманием. Принимаясь за меня, автор статьи почему-то анализирует в первую очередь мои популярные и художественные книги все с той же гневно-обличительной и раздраженной интонацией: «Он писал обо всем, что могло заинтересовать публику дешевыми эффектами и принести прибыль»; «издал несколько ненаучно-фантастических и детективных романов»; «занялся популярным и выгодным делом пересмотра отечественной истории в духе скандальных “разоблачений”» (Артёмова 2008: 141)... И так далее в том же духе, вплоть до последнего убийственного вывода: «Читатель книжку открыл – и поперхнулся»; «пишет обо всем... одинаково плохо и безвкусно» (Там же).

Читая этот пассаж, сначала я хотел скромно напомнить, что литература для массового читателя и специальная литература исходно существуют с разными целями. Научная предназначена для специалистов и может позволить себе быть написанной плохо, т. е. скучным языком и неинтересно. Коммерческая литература пишется и издается в первую очередь для того, чтобы приносить прибыль. Ее как раз нельзя писать плохо и неинтересно: не прочитают и соответственно не купят. Даже изданная, но скверно написанная книга не раскупится, пойдет под нож, а автора больше никто не станет печатать.

Сейчас выходит моя 35-я книга, в планах издательства стоит еще десяток. Видимо, пишу я достаточно интересно? Если кого-то возмущают или задевают мои высказывания, – его дело. Но как писатель я состоялся, и с этим ничего нельзя поделать.

Автора раздражает, что мои книги выходят приличными тиражами и приносят доход мне и издателю? Но ведь как раз на налоги с этой прибыли существуют научные учреждения, в том числе и Институт этнологии РАН. Из этих сумм выплачивается и заработная плата ведущим научным сотрудникам, в том числе и Артёмовой. Уже исходя из этого автор могла бы быть вежливее со своими «кормильцами».

Кроме того, научно-популярная литература пишется для того, чтобы ознакомить массового читателя с тем, что знают специали-

сты. Например, с тем, что гипотеза матриархата совершенно несостоятельна и что в серьезных работах «уже более чем полстолетия этот термин фигурирует лишь в историографическом контексте» (Артёмова 2008: 140). Именно об этом я пишу в нескольких своих книгах. Что же вызывает такой гнев?

Автор не согласна с моими выводами? Но наука и стоит на том, что сталкиваются гипотезы и теории, каждую из них следует доказывать, позиции ученых всегда различны. Считаете, что данное положение «ненаучно»? Благоволите доказать это, а не продекларировать.

Вас не устраивает то, что я считаю нужным популяризировать? Тогда напишите популярную книгу и изложите в ней свою точку зрения, а меня заклейте позором – так, чтобы это было интересно массовому читателю.

К сожалению, Ольга Юрьевна поступает иначе. Она или цитирует тех, кому мои книги не понравились, а мы, видимо, должны считать их мнения непререкаемыми, или приписывает мне глупости, которые заведомо легко «обличить». Например, почему-то называет одну из моих книг... «эзотерической». Конкретно книгу о вероятном будущем, которую недавно переиздали и собираются доиздавать. Если уж мы об академических нормах, то с каких пор в числе этих норм – явная клевета?

Но самое главное даже не это. Уважаемая Ольга Юрьевна странным образом смешивает два принципиально разных жанра. Из того, что я состоялся как писатель, она делает «логичный» вывод, что я – очень скверный ученый. «Логика» железная: если умешь писать популярные книги, если хорошо издаешься, ты заведомо не ученый.

Скромно замечу, что в этом случае ни И. А. Ефремов, ни В. А. Обручев, ни Л. Н. Гумилев, ни Т. Хейердал, ни Г. Б. Фёдоров, ни П. Тейяр де Шарден, ни А. Азимов, ни Б. Сайкс, ни С. Хокинг учеными считаться не могут. Спасибо, Ольга Юрьевна, вы поместили меня в прекрасную компанию. Сам претендовать на нее я бы не посмел.

Странности содержательных претензий

У читателя статьи Артёмовой может сложиться впечатление, что я отрицаю теорию земледельческо-скотоводческого переворота, а о Г. Чайлде придерживаюсь самого низкого мнения. Это не соответствует действительности. Я считал и считаю очень неудачным сам термин «неолитическая революция». И только.

Анализируя мою статью «Идиллический палеолит?», автор, к сожалению, прибегает к типичному для нее методу: приписывает мне то, чего я не говорил, а затем блистательно борется с приписанными мне нелепостями. Я никогда не критиковал содержание теории «неолитической революции» Чайлда и тем более не называл эту теорию «дилетантскими измышлениями». Вовсе не мне принадлежит и полуграмотная фраза: «Не в силах съесть слона целиком, все равно убивают его полностью» (Артёмова 2008: 140).

Что же до характеристики палеолита, вернее, характеристики всей эпохи ведения охотничьего хозяйства, то даже в давней статье я приводил намного более серьезную аргументацию, чем мне приписывает Артёмова. С тех пор мои оценки этого периода истории не изменились, но пополнились многими новыми аргументами.

Из истории хорошо известны чудовищные по расточительности охоты первобытных народов этнографической современности, т. е. XVII–XX веков. Например, индейцы Северной Америки устраивали ловушки для бизонов и загоняли в них целые стада. За несколько часов сотни бизонов скатывались по крутым склонам и оказывались за прочной оградой из камней. А люди с упоением расстреливали из луков мечущихся беспомощных гигантов. Всякий раз индейцы не могли унести и половины доставшегося им мяса. Сотни тонн мяса гнивали или доставались хищникам. Такие ловушки этнографически известны везде, где велась охота на бизонов (Wissler 1910).

Нет ничего нового и в том, что некоторые стоянки первобытных охотников палеолита буквально изобилуют останками животных. Причем многие кости лежат в анатомическом порядке: загнав и убив животное, его никогда и никак не использовали. Солютре во Франции, давшее название эпохе, содержит кости более чем 100 тысяч лошадей. Об этом писал П. И. Ефименко (1953) в классической работе, но 90 % литературы о Солютре – на французском языке. Сошлюсь на классическую работу аббата Брейля (L'abbé Breuil 2006).

В Пржедмосте (Чехословакия) вместе с костями других животных найдены останки примерно 800–1000 мамонтов. В Староселье в Крыму – такие же завалы скелетов сотен диких ослов (Формозов 1958). В Амвросиевке (Украина) найдено скопление костей, залежавших метровой толщей на площади около 200 м² и принадлежавших 950–1000 бизонам. Этих животных поймали в ловушку, используя для нее овраг. Тут тоже немало костей, лежавших в ана-

томическом порядке. Часть животных успели съесть, но большая часть – протухла (Верещагин 1971).

П. И. Борисковский считал, что костище в Амвросиевке было культовым местом для хранения костей убитых зубров (Борисковский, Праслов 1964). Но и в этом случае получается, что в святилище сносили части тел зубров, которых никак не использовали. И. Г. Пидопличко (1953) полагал, что костище – место облавной охоты, после которой часть добычи не использовали. Такой же завал мертвых бизонов обнаружен на стоянке Волчья Грива в Западной Сибири (Абрамова 1984). В Мальте (Сибирь) найдены останки 600 оленей; в Шуссендире – примерно 500; в Гурдане – порядка 3 тысяч (Громов 1948).

Я упомянул далеко не все находки такого рода, а только самые яркие и известные. На их фоне теряется якутская стоянка Берелех с его мамонтовым костищем и стоянкой неподалеку: ничего в ней особенного нет. Судя по всему, Берелех – предельный случай первобытной расточительности: мамонтов убили, а использовали только части двух туш.

Перечислять *все* получилось бы долго, да и незачем. «Что за места, как они датируются, в какие отрезки времени скапливались эти костные останки?» – спрашивает Ольга Юрьевна (Артёмова 2008: 142), ставя под сомнение и приведенные мной факты, и упоминания в книге А. П. Назаретяна мест, где были истреблены сотни и тысячи крупных животных.

Такие места есть, их много. На способы охоты ископаемого человека указывает нередко само расположение древних стоянок. Они находятся вблизи скалистых обрывов и оврагов, в пересеченной местности, представлявшей наибольшие удобства для устройства загонов и облавной охоты, чтобы добыть сразу и много. Расточительность облавных охот хорошо прослеживается везде, где первобытный человек вел специализированную охоту на стада крупных животных.

Конная охота индейцев выглядит очень романтично в описаниях Шульца (1968) и других европейцев, успевших застать этот способ охоты. Не менее красочно, весело описывали эту охоту сами индейцы (Мато Нажин 1964). Но что происходило во время этих охот? Стеля на скаку в бегущее стадо бизонов, конные охотники добывали в лучшем случае 20–30 % зверей, в которых попадали. Остальные убегали умирать. Огнестрельное оружие только усиливало расточительность: охотник стрелял с большего расстояния.

Повторюсь – это описывали сами участники охот. В том числе и усыновленный индейцами Джон Теннер. Зря Артёмов иронизирует над «леденящими душу» описаниями. Потрясающее и действительно леденящее душу описание Теннером охоты, во время которой загонщики выгнали на лед озера, а другие убили на льду около 400 беспомощных лосей. Им было не нужно столько, охотники просто не могли остановиться. А потом лед не выдержал, и вся добыча ушла под воду (Теннер 1963).

Также расточительны и «поколки» на реках, которые производили жители тундры и лесотундры Сибири и Канады. Люди делали засады на путях миграции оленей и нападали на стадо, плывущее через реку. Исследователи называют разный процент добываемых оленей от числа погибших: от «третьей части» (Долгих 1960) до «примерно 20 %» (Вуун *et al.* 2002).

Я привел только малую часть действительно потрясающих современного человека, леденящих душу историй о первобытных охотах. А их разбросано по литературе очень много. Л. Крайслер не принадлежит к классикам этнологии, но по крайней мере свидетелем охот современных эскимосов она является. Крайслер рассказывает, как «охотились» на ее глазах двое эскимосов. Целыми днями они спали или валялись пьяными в палатке, а при появлении стада оленей-карибу открывали по нему огонь. Часть оленей погибала достаточно близко, чтобы было не лень дойти до туши. Если же олень падал далеко, никому не приходило в голову сходить за ним, а тем более преследовать подранков (Крайслер 1967).

Ольга Юрьевна огорчена, что я не привожу литературы на иностранных языках? Книга Крайслер переведена, но не переведена интересная книжка немца Г. Финдейзена (Findeisen 1929) о рыболовстве народов Сибири. На иллюстрациях к ней ясно показаны рыболовные крючки... без жальцев. Рыба с такого крючка срывается во много раз чаще, но рыболовов это не волнует.

Почему в моей статье «Идиллический палеолит?» так «досталось» эскимосам? Потому что я прочел книгу И. И. Крупника (1989). А в ней очень подробно описывается, как в конце XIX века в руки чукоч и эскимосов попали карабины. Раньше они охотились только на маленькие стада моржей и только на берегу или на прочном льду. Моржа поражали гарпуном в упор, потерять добычу считалось большой неприятностью. Карабин же позволил нападать на крупные стада в открытом море. Не страшно! Громадные звери могут броситься всем стадом, – но вооруженные карабинами охотни-

ки не подпустят их к своим байдаркам. Вода Ледовитого океана краснела от крови, до 80 % убитых зверей тонули.

Кстати, полная аналогия с охотами североамериканских индейцев: долгое время они вели пешую охоту на бизона, и считалось большой удачей загнать целое стадо в ловушку. А с появлением домашней лошади эффективность охот резко возросла, но возросло и число подранков. Главное же – ни эскимосов, ни индейцев совершенно не волновала гибель громадного числа никак не использованных зверей. Таково их экологическое сознание. Аналогия с охотами палеолита на Амвросиевке и в Солютре – напрашивается.

Еще один вывод Крупника (и для северных народов этнографической современности, и для палеолита): человек старался селиться там, где природа была особенно щедрой. И брал полной мерой все, до чего мог дотянуться. Ресурсы исчерпывались? Он переходил в другое место.

Весьма крупные ученые давно утверждали, что «в целом палеолитическая охота велась хищнически, в любые сроки, включая периоды размножения и выкармливания потомства... нередко, видимо, с превышением реальной потребности в пище» (Верещагин 1971: 197).

Как видите, и мои выводы, и выводы Назаретяна об экологической агрессивности первобытного сознания вызваны вовсе не плохим отношением к первобытному человеку, не расизмом или нежеланием считать первобытных охотников «такими же людьми». Выводы основываются на фактах, и совершенно непонятно, почему мы должны их скрывать или искажать. Ведь речь идет именно о фактах – хорошо документированных, проверяемых, надежных.

Ели людей или не ели?

Ольга Юрьевна полагает, что не доказан и каннибализм палеолита. Это просто поразительное утверждение, потому что существует множество свидетельств каннибализма людей от времен первой достоверной стоянки человека. В культурных слоях пещеры Чжоу-Коу-Дянь, где обитал «китайский питекантроп» (синантроп), кости людей точно так же расщеплены, обожжены и обгрызены, как и кости всех остальных животных. Эти кости разрубили каменными орудиями, согрели, поджарили в огне костра, а потом расщепили для извлечения костного мозга. Намного более позднее, но тоже широко известное, вошедшее в учебники свидетельство: раскопки 1899–1905 годов в пещере Крапина, в нынешней Югославии.

В слое возрастом порядка 90 тысяч лет обугленные и расколотые человеческие кости найдены вместе с костями благородного оленя, вымершего вида кабана, пещерного медведя, дикого быка...

Не было войн? Но тогда почему неандерталец из пещеры Мугарет-эс-Схул был ранен в бедро – судя по всему, копьем? Как погиб погребенный неандерталец из Шанидара, мы тоже не знаем. Череп разнесен страшным ударом... Автор раскопок, Р. Солецки, предположил: это рухнули камни с кровли пещеры. Но с тем же успехом можно предположить и преднамеренное убийство. А ранения, нанесенные зверем, выглядели бы иначе.

О личности

Так же поразительно утверждение Артёмовой о том, что первобытности знакома личность – только вот Буровский с Назаретяном, а также А. Я. Гуревич, Л. М. Баткин и прочие фантазеры этого не понимают (Артёмова 2008: 139).

Для непредвзятого человека достаточно привести один факт: у «палеолитических Венер» не прорисованы лица. Известно около трехсот женских фигурок эпохи палеолита, вырезанных из кости, рога, камня, слоновой кости, слепленных из глины. Большинство «палеолитических Венер» были изготовлены от 25 до 20 тыс. лет назад, и почти все изображают женщин с преувеличенно большими грудями, ягодицами и животом. Нередко женщины изображаются беременными или в позе роженицы. «Венерами» их и назвали из-за пышности форм. Фигурки разной величины, но чаще всего небольшие: 12–22 см в высоту (Котова 1979: 113–114). Но вот лицо у «Венер» не изображается. Вместо лица – просто штриховка.

Если палеолитического человека интересовала личность, то почему он так методично прорисовывал признаки пола, а не лицо?

Мог ли человек истребить мамонта?

Одно из обвинений в адрес оппонентов: мы выдаем за бесспорные факты вопросы «сложнейшие, запутаннейшие и нерешенные – а может, и нерешаемые вовсе». В их числе – «истребили ли... крупную фауну в Европе или она сама вымерла вследствие резкой экологической ломки?» (Артёмова 2008: 142).

Кстати, в этом мы с Ольгой Юрьевной как будто единомышленники. Во всяком случае, в столь сурово критикуемой статье я писал буквально следующее: «Построить убедительные модели природопользования даже для самого конца плейстоцена почти

невозможно. Все модели, учитывающие численность и экологию позднплейстоценовых животных, равно как и расчеты численности человека, настолько приблизительны и построены на столь хлипких основаниях, что, на взгляд автора, вряд ли относятся к сфере научной деятельности» (Буровский 1998).

Но разве эти проблемы так уж категорически «нерешаемые»?

Более полувека назад И. Г. Пидопличко (1955) высказал убеждение, что крупные млекопитающие финального плейстоцена были истреблены человеком. Эта идея долгое время не была мейнстримом научной мысли, но ведь и маргинальные суждения нужно не отбрасывать, а аргументированно анализировать, объясняя, что в них неверно. А за полвека отношение научной общественности к этой идее очень и очень изменилось – слишком много аргументов в ее пользу. Как чаще всего и бывает, фактологическая база давно изучена, легкодоступна – нужно только уметь извлекать из известных объектов нужную информацию.

Жилища из костей мамонта – в числе известнейших объектов исследования палеолита. При строительстве каждого из таких жилищ огромные, чуть ли не по грудь человеку черепа взрослых самцов ставились альвеолами бивней вниз и теменным отверстием вверх. А для устойчивости такого черепа под него подкладывали черепа то ли совсем маленьких, новорожденных, то ли даже не успевших родиться мамонят. Из 109 мамонтов, найденных в слоях Межиричей (Украина), детеныши и молодняк составляли 83–85 %, а старые животные вообще отсутствовали. В берелехском стаде старые животные составили 21 %, молодняк – 50 %. Автор принимал участие в раскопках знаменитых «жилищ из костей мамонта» в Костенках и в Юдиново. И уверяю вас, что зрелище 30–40 черепов «эмбрионального мамонта», использованных для строительных целей, производит тягостное впечатление. Об этом я и писал в статье «Идиллический палеолит?».

На сооружение одного жилища из костей мамонта уходили кости до 30–40 особей (Сергин 1974). Опять чудовищная расточительность, истребление самок с детенышами и самих детенышей, уничтожение беременных самок: они и бегают медленнее, их легче добыть, и черепа «эмбрионального мамонта» нужны для строительства жилищ...

Кроме того, существование мамонта в геологической современности – твердо установленный факт. Мамонт на Украине, на

юге России, на юге Сибири существовал до 11 тысяч лет назад. Последние даты для мамонтов: Кунда (Эстония) – 9780 ± 260 ; Костенки (под Воронежем) – 11000 ± 200 ; Юдиновка (Брянская область) – 13650 ± 200 , 138300 ± 850 ; Елисеевичи (Сумская область) – 14470 ± 180 , 15600 ± 200 тыс. лет назад. Есть и более поздние даты – 9–8 тысяч лет назад.

Значит, мамонт мог бы жить и в современных ландшафтах. Очевидно, что мог, – он жил в современной степи. Ведь в южно-русских степях было не очень снежно, а травяной покров достаточно высок. В высокотравной степи Восточной Европы мамонт определенно мог бы жить хоть до XX века. Но именно в этих регионах он исчез довольно быстро.

На севере мамонт задержался. В Берелехе на Индигирке найдено целое кладбище мамонтов, они погибли между 11830 ± 110 и 12240 ± 160 лет назад. Самый поздний берелехский мамонт жил 10370 ± 90 лет назад. На Таймыре – 11 450 лет назад. Еще моложе мамонт на Новосибирских островах, к северу от побережья Якутии. Материковая отмель уходила под воду. На мелководьях моря Лаптевых до сих пор находят кости и бивни десятков тысяч мамонтов. На островах Прибылова найден мамонт, живший 8–5,7 тысяч лет назад (Yesnet *et al.* 2005).

На острове Врангеля получено 126 углеродных дат по останкам мамонта: от 32400 ± 1500 , 38375 ± 2115 до 3685 ± 60 , причем дат моложе 10 000 лет – 108. Мамонт жил на острове Врангеля в условиях современной тундры (Вартанян 2007).

Наводит на размышление тот факт, что палеоэскимосы появляются на острове Врангеля примерно в то время, когда там жили последние мамонты. Поселение Чертов Овраг на острове Врангеля получило радиоуглеродные даты 3265 ± 65 по фрагменту моржовой кости и 3345 ± 70 – по куску обработанного дерева (Герасимов и др. 2003).

Ученые не исключают находок мамонтов моложе 3600 лет назад и поселений палеоэскимосов старше 3300 лет назад. Во всяком случае, мамонт жил в тундре, когда уже стояли пирамиды и были написаны законы вавилонского царя Хаммурапи, а праотец Авраам «вышел из Ура Халдейского».

Кстати, и другие животные «мамонтовой фауны» неплохо чувствовали себя в голоцене. Овцебык вымирал явно с «помощью» человека. Еще в XVII веке он водился на Таймыре. Известны черепа овцебыка, простреленные русскими землепроходцами. К XX веку

овцебык сохранился только в Гренландии и на островах Канадского арктического архипелага. Когда между 1850 и 1900 годами эскимосы стали посещать остров Бэнкса, они очень быстро уничтожили овцебыков.

Сегодня это животное не без успеха разводят в Азии; оно прекрасно чувствует себя на Таймыре, на Индигирке и в Якутии.

Большерогий олень водился на Южном Урале в V–IV тысячелетиях до н. э. Датировок этих много, им вполне можно доверять. Римские легионеры наблюдали большерогого оленя на севере Галлии. Еще в Средневековье этот красивый, благородный зверь был известен в Британии. Позже его называли «ирландский лось»: большерогий олень до XII века попадался в Ирландии. На него охотились с собаками, и зверь, в конце концов, не уцелел.

Шерстистый носорог встречался в южнорусских степях еще 9–8 тысяч лет назад, что доказывает: он мог жить и в современных ландшафтах. Арабский путешественник VIII века Ибн-Фадлан рассказывает о громадном звере, которого убивают стрелами местные жители в степях. Некоторые ученые видят в нем носорога... Не буду ни оспаривать это, ни настаивать, что это мог быть именно носорог.

Строго говоря, зубры, туры, лошади, дикие ослы – тоже члены «мамонтной фауны». А все эти животные хорошо известны на протяжении голоцена. Их ареалы сокращались, разрывались и в первобытности, и в историческое время под очевидным влиянием человека.

Тура в Британии истребили в XII, а в Польше – только в XVII веке. Зубры исчезли в Галлии в VI веке, а в Германии, Скандинавии и Польше они неплохо чувствовали себя везде, где их оставляют в покое.

В степях Евразии тур и зубр жили до XVII века. Зубр доходил до степей Западной Сибири на протяжении всего Средневековья. Известны находки зубра в бронзовом веке на Алтае. Только в XVIII веке ареал зубра разорвался – этого зверя не стало в степях, образовались две изолированные популяции на Кавказе и в лесах Белоруссии и Литвы.

Степной бизон Америки немного отличается от плейстоценового предка... Но лесная форма бизона в Канаде – это практически тот самый плейстоценовый бык во всей красе.

Европейская лесная дикая лошадь, тарпан, в Германии исчезла к XV веку, а в польских лесах – одновременно с туром. В степях на

юге современной Украины степного тарпана истребили к концу XIX века. Еще в XVII веке он мог встречаться с лошастью Пржевальского на востоке Казахстана. Лошадь Пржевальского исчезла в Синцзяне в XIX веке, в Монголии – только в XX веке.

Лошади Якутии были ближе всего к лошадям ледникового времени. Якуты хорошо помнили, что их предки скрещивали привезенных из Забайкалья лошадей с этими местными животными, прекрасно приспособленными к морозным условиям Якутии.

Горный баран и сегодня неплохо чувствует себя в горах Путорана, на севере Красноярского края, в горах Корякского нагорья и Якутии.

Так называемый пещерный лев практически идентичен африканскому льву. На юге Туркмении найдены останки этого страшного хищника, жившего в III–IV тысячелетиях до н. э. На Балканском полуострове он исчез в I тысячелетии до н. э., в Северном Причерноморье – в I тысячелетии н. э.

Давно замечена закономерность: при появлении человека в любой местности исчезают виды крупных «мясных» животных: самые большие, малоподвижные и недавно самые многочисленные.

Время освоения плейстоценовым человеком Северной Америки совпадает с исчезновением целого ряда крупных диких животных: мамонта, шерстистого вида мастодонта, лошади, верблюда, саблезубого тигра. Вскоре выяснилась та же закономерность и для Южной Америки: с проникновением в нее человека исчезли несколько наземных видов гигантского ленивца, гигантский броненосец глиптондонт, несколько видов крупных грызунов.

Ольга Юрьевна замечает в работах крупных западных ученых исключительно экологическую идиллию. Но это американский эколог Э. Макферсон выдвинул теорию «массовых избиений» животных, перепромысла или свёрхубийства (*overkill*), а американский этнограф Э. Берч реконструировал охотничью тактику первобытного человека: «найти и уничтожить».

Гипотеза «перепромысла» построена на том, что именно в это время в Америку через Берингийскую сушу «врывается» человек из Азии. Животные Америки не привычны к человеку, боятся его мало, а сам человек на новых местах не имеет достаточных культурных механизмов для более разумного поведения (Chard 1963).

Таковую же картину пришлось нарисовать и для Австралии. Еще в конце плейстоцена в ней «почему-то» начали исчезать наиболее

крупные малоподвижные сумчатые, например громадные дипродонты, крупнейшие виды кенгуру. Изменился климат? Считать так нет оснований. Появились более совершенные виды? Тоже нет. Исключение – завезенный человеком и одичавший динго, но это произошло спустя тысячелетия. А вот стоянок первобытного человека в конце плейстоцена стало несравненно больше, и в культурном слое каждой из них очень много костей крупных сумчатых...

Вернемся к хорошо обоснованным выводам Крупника об «изначально заложенном перепромысле». «Реальная нагрузка северных охотников на используемые ресурсы не соответствовала ни нормам “рационального” природопользования, ни этике промыслового поведения аборигенных народностей, – пишет Крупник (1989: 205). – ...Для анализа их жизнеобеспечения... малопригодными кажутся перенесенные со страниц учебников экологии концепции “взаимного регулирования”, или идеи “гармоничности”, “исконной экологичности” аборигенных обществ в противовес разрушающей природную среду индустриальной цивилизации. Все это явно выглядит современной идеализацией».

Есть еще более интересные гипотезы. С точки зрения палеонтолога П. В. Пучкова (1991; 1992а; 1992б), вымирания крупных животных в конце плейстоцена носят «некомпенсированный» характер. «Исчезновение» крупных видов не идет путем замещения другими видами. Более того, крупные виды толстокожих поддерживают определенный тип ландшафтов – саванновый. С их исчезновением и начинается глобальная перестройка ландшафтов в Северном полушарии, и в конце концов устанавливаются современные ландшафтно-климатические зоны, когда степь и тундра разделены поясом тайги, смешанных и широколиственных лесов.

Эта гипотеза прекрасно аргументированна. Она опирается на самые последние исследования и самые современные представления. Подробно излагать я ее не буду: с ней легко может ознакомиться любой специалист. Если Ольга Юрьевна ее не знает, – видимо, ей это не нужно.

Аргументация ее не убеждает? Тогда пусть объяснит, что ей не нравится в построениях Пучкова, в гипотезе «перепромысла», в модели техно-гуманитарного баланса, в моих описаниях первобытности.

Пока что критика получается не особо содержательная. Есть справедливое замечание о том, что первобытность была везде

очень разная и что модели, применимые в одной части ойкумены, могут быть не применимы к другой. В прочих же случаях автор или «ломится в открытую дверь», или ударяется в эмоции и обиды.

«Ломится в открытую дверь», когда обвиняет нас всех в описаниях «мрачности, убожества, жестокости первобытной жизни» (Артёмова 2008: 145). Никаких эмоциональных оценок мы не давали. При сравнении жизни современного человека с жизнью его предков в XIV, XVIII, даже в XIX веках мы видим жизнь более жестокую, мрачную и убогую, чем привычная для нас. Но никакого негативного отношения к первобытному человеку нет, и не надо нам этого приписывать.

Я писал 12 лет назад, что очень далек от мысли представить себе плейстоценовых людей мрачными чудовищами, не способными на альтруизм или высокие переживания. Нисколько не сомневаюсь: в их жизни было место и доброте, и красоте, и размышлениям на отвлеченные темы, и самым высоким чувствам, и самопожертвованию (Буровский 1998: 169). Точно так же я думаю и сейчас. Между прочим, и Назаретян всегда писал о людях прошлого очень уважительно, а с некоторыми из современных охотников-собирателей общался вплотную. Но я уверен, что человечество никогда не жило в некой «идиллии», будь то «первобытный коммунизм» Ф. Энгельса или «экологический гомеостаз», о котором говорят современные постмодернисты.

С точки зрения Артёмовой, если я правильно понимаю ее отрывочные и не сведенные в систему высказывания, в первобытном обществе уже существовало представление о личности, люди были сыты и богаты, а отношения внутри коллективов и между коллективами строились на основе гуманизма и разумного неравенства. На мой взгляд, это чистейшей воды кабинетная идеализация, не имеющая никакого отношения к реальности.

Но, во-первых, если это так, то зачем потребовалась цивилизация, о которой Артёмова пишет в таком ехидном, ерническом тоне? Во-вторых, если таково мнение автора, его следует аргументировать, а не пытаться высмеивать коллег или припоминать обиды давних лет за отказ в публикации неумело написанных рецензий.

К сожалению, Артёмова высказывается чисто эмоционально, в духе: «И это слова человека, многие годы, по его свидетельству, работавшего в качестве психолога и преподающего на факультете психологии МГУ!» (Артёмова 2008: 143). Она попросту исходит из того, что ее мнение – истина в последней инстанции, а тех, кто этих

безапелляционных суждений не разделяет, третирует как неучей и малознаек. Если мы говорим об академических нормах, то кто же многократно нарушил их на протяжении не очень большой статьи?

Литература

Абрамова, З. А. 1984. Поздний палеолит азиатской части СССР. В: Рыбаков, Б. А. (общ. ред.), *Палеолит СССР*. М.: Наука.

Артёмова, О. Ю. 2008. Десять лет «первобытности» в постсоветской России: анализ некоторых, преимущественно учебно-методических, публикаций. *Этнографическое обозрение* 2: 139–156.

Борисковский, П. И., Праслов, Н. Д. 1964. *Палеолит бассейна Днепра и Приазовья*. М.; Л.: Изд-во АН СССР.

Буровский, А. М.

1998. Идиллический палеолит? *Общественные науки и современность* 1: 163–174.

2009. Запад эпохи плейстоцена. *Окладниковские чтения-2009 «Ното Евразискус» у врат искусства»* (с. 148–169). СПб.

Вартанян, С. 2007. *Остров Врангеля в конце четвертичного периода: геология и палеогеография*. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха.

Верещагин, Н. К. 1971. Охота первобытного человека и вымирание плейстоценовых млекопитающих в СССР. В: Быховский, Б. Е. (ред.), *Материалы по фауне антропогена СССР*. Л.: Наука.

Герасимов, Д. В., Гиря, Е. Ю., Тихонов, А. Н. 2003. Поселение Чертов Овраг на острове Врангеля – вопросы культурной атрибуции и перспективы исследования. В: Никольский, П. А., Питулько, В. В. (ред.), *Естественная история российской восточной Арктики в плейстоцене и голоцене* (с. 88–97). М.: Геос.

Громов, В. И. 1948. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит). *Труды Ин-та геол. наук АН СССР*. Вып. 64(17). М.; Л.: Изд-во АН СССР.

Долгих, Б. О. 1960. *Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.* М.: Наука.

Ефименко, П. П. 1953. *Первобытное общество*. Киев: Наукова думка.

Котова, Г. А. 1979. Доисторические Венеры. *Природа* 6: 113–114.

Крайслер, Л. 1967. *Тропами карибу*. М.: Географгиз.

Крупник, И. И. 1989. *Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии*. М.: Наука.

Мато Нажин 1964. *Мой народ сиу*. М.: Детгиз.

Пидопличко, И. Г.

1953. Амвросиевская палеолитическая стоянка и ее особенности. *Краткие сообщения Института археологии АН УССР* 2: 4–17.

1955. *О ледниковом периоде*. Киев: Изд-во АН УССР.

Пучков, П. В.

1991. Некомпенсированные вюрмские вымирания. Сообщение 1. Крупнейшие растительноядные: эври – или стенобионты? *Вестник зоологии* 5: 45–53.

1992а. Некомпенсированные вюрмские вымирания. Сообщение 2. Преобразование среды гигантскими фитофагами. *Вестник зоологии* 1: 58–66.

1992б. Некомпенсированные вюрмские вымирания. Сообщение 3. Перепромысел, «недопромысел» и другие факторы. *Вестник зоологии* 4: 73–81.

Сергин, В. Я. 1974. *Палеолитические жилища европейской части СССР*: Автореф. ... канд. ист. наук. М.: Ин-т археологии АН СССР.

Теннер, Д. 1963. *Тридцать лет среди индейцев*. М.: Изд-во иностр. лит-ры.

Формозов, А. А. 1958. *Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите*. М.: Наука.

Шульц, В. 1968. *Моя жизнь среди индейцев*. М.: Мысль.

Yuun, S. A., Koop, B. F., Reimchen, T. E. 2002. Evolution of the Dawson Caribou (*Rangifer tarandus dawsoni*). *Canadian Journal of Zoology* 80.

Chard, Ch. S. 1963. World roots: review and speculations. *Papers of the University of Alaska* 10(2): 115–121.

Yesner, D., Veltre, D., Grossen, K., Graham, R. 2005. 5700 – year-old Mammoth remains from Qagnax Cave, Pribilof Islands, Alaska. *World of Elephants/Short Papers and Abstracts of the 2 International Congress, Mammoth Site Scientific Papers*. Vol. 4. Hot Springs, South Dakota. 22–25 September (p. 200–204).

Findeisen, H. 1929. *Die Fischerei im Leben der altsibirischen Voelkerstaemme*. Berlin: Sonderdruck aus der Zeitschrift fuer Ethnologie, Jg. Heft 1/3, Verlag von Julius Springer.

L'abbe Breuil, H. 2006. *Sur les chemins de la prehistoire*. Paris: Somogy editions d'art.

Wissler, C. 1910. *Material culture of blackfoot indians*. N. Y.